

# Экономические науки

УДК 330.356

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111

## ИНВЕСТИЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЛЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

## INVESTMENT AND ECONOMIC DEVELOPMENT: COMPARATIVE ANALYSIS FOR RUSSIAN REGIONS



*И. П. Глазырина,  
Забайкальский  
государственный  
университет, Институт  
природных ресурсов, экологии  
и криологии СО РАН, г. Чита  
iglazyrina@bk.ru*



*А. А. Фалейчик,  
Забайкальский  
государственный  
университет, г. Чита  
faa55@bk.ru*



*Л. М. Фалейчик,  
Институт природных  
ресурсов, экологии и  
криологии СО РАН, г. Чита  
lfaleychik@bk.ru*

*I. Glazyrina,  
Transbaikal State University,  
Institute of Natural Resources,  
Ecology and Cryology, Russian  
Academy of Sciences, Siberian  
Branch, Chita*

*A. Faleychik,  
Transbaikal State University,  
Chita*

*L. Faleychik,  
Institute of Natural Resources,  
Ecology and Cryology, Russian  
Academy of Sciences, Siberian  
Branch, Chita*

Определены количественные характеристики инвестиционных процессов и их связи с экономическим ростом, а также степень пространственной гетерогенности этих показателей. Отмечено, что данные соотношения важны в контексте выявления драйверов развития, могут служить и косвенной характеристикой институциональной среды, от которой существенно зависит инвестиционный климат в стране. Для проведения сравнительного анализа для каждого региона определены годовые объемы инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения за период 2011–2013 гг., которые и сопоставлялись с экономическими результатами, достигнутыми к 2016 г. Выявлена высокая степень дифференциации подушевых показателей инвестиций — максимальное и минимальное значения показателя отличаются более чем в 50 раз. Для всех регионов России рассчитан приведенный к ценам 2011 г. подушевой ВРП в 2016 г. Показано, что межрегиональная дифференциация по производству добавленной стоимости остается высокой: различия между «лучшим» и «худшим» значениями показателя — более чем на порядок. Приграничные регионы восточной части страны, несмотря на официальное признание их ключевого геополитического значения и активное формирование «институтов развития», по-прежнему существенно отстают в экономическом развитии. В качестве характеристики «чувствительности» показателя ВРП к инвестиционным потокам выбрано отношение подушевого ВРП к показателям подушевых инвестиций, здесь также отмечена высокая межрегиональная дифференциация. Отмечено, что нефтегазовые регионы, которые были лидерами по подушевым инвестициям, имеют в лучшем случае средние показатели инвестиционной отдачи, а Ямало-Ненецкий АО — один из самых низких. Самый высокий показатель инвестотдачи имеет Москва. Субъекты РФ Байкальского региона вышли на средние позиции по инвестиционной отдаче, несмотря на один из самых низких объемов инвестиций в 2011–2013 гг. Южные регионы Дальнего Востока и Якутия, где подушевые инвестиции существенно выше, по инвестиционной отдаче оказались аутсайдерами. Сделан вывод, что не-

обходимо учесть дальневосточный опыт в отношении «институтов развития» и направить усилия не только на целевые программы, но и на институциональную трансформацию бизнес-среды, ориентированную на повышение качества инвестиционных потоков с целью обеспечения реального экономического роста и повышения благосостояния граждан

**Ключевые слова:** региональное развитие; валовой региональный продукт (ВРП); инвестиционные потоки; инвестиции в основной капитал; инвестиционная отдача; экономический рост; пространственная неоднородность; межрегиональная дифференциация; пространственный анализ; геоинформационные технологии

The quantitative characteristics of investment processes and their connection with economic growth, as well as the degree of spatial heterogeneity of these indicators, are determined. It was noted that these ratios are important in the context of identifying development drivers; they can also serve as an indirect characteristic of the institutional environment on which the investment climate in a country substantially depends. To carry out a comparative analysis, for each region the annual volumes of investments in fixed capital per capita for the period 2011–2013 were determined, which were compared with the economic results achieved by 2016. A high degree of differentiation of per capita investment figures – the maximum and minimum values of the index differ by more than 50 times. For all regions of Russia, the per capita GRP priced in 2011 was calculated in 2016. It is shown that the interregional differentiation in the production of value added remains high: the difference between the “best” and “worst” values of the indicator is more than an order of magnitude. The border regions of the eastern part of the country, despite the official recognition of their key geopolitical significance and the active formation of “development institutions”, still lag behind in economic development. As a characteristic of the “sensitivity” of the GRP indicator to investment flows, the ratio of per capita GRP to indicators of per capita investments was chosen, here also high interregional differentiation was noted. It was noted that the oil and gas regions, which were the leaders in per capita investments, have, at best, average indicators of investment returns, and the Yamalo-Nenets autonomous district is one of the lowest. Moscow has the highest rate of investment success. The sub-federal units of the Baikal region took the middle position on investment returns, despite one of the lowest investment volumes in 2011–2013. The southern regions of the Far East and Yakutia, where the per capita investment was significantly higher, turned out to be outsiders in terms of investment returns. It was concluded that it is necessary to take into account the far eastern experience in relation to “development institutions” and to focus efforts not only on targeted programs, but also on institutional transformation of the business environment, focused on improving the quality of investment flows in order to ensure real economic growth and improve the well-being of citizens

**Key words:** regional development; gross regional product (GRP); investment flows; investments in fixed capital; investment return; economic growth; spatial heterogeneity; interregional differentiation; spatial analysis; geoinformation technologies

---

**Введение.** Инвестиции призваны служить «драйвером» экономического развития, это – их основная функция. Развитие российских регионов происходит крайне неравномерно как в отношении производства товаров и услуг [4; 11; 12; 20–22], так и роста благосостояния и развития человеческого потенциала [2]. Неравномерность характерна также и для эколого-экономических индикаторов в разрезе регионов, демонстрирующих качество роста в экологическом контексте [3], темпов продвижения к «зеленой» экономике [17; 18]. Вряд ли стоит, даже в среднесрочном плане, ставить очевидно недостижимую цель «выравнивания» регионов по

объемам производства товаров и услуг [8; 19]. Однако задача снижения пространственного неравенства в отношении уровня и качества жизни остается в высшей степени актуальной, поскольку мы наблюдаем существенный отток населения из стратегически важных регионов, «утечку» лучшего сегмента человеческого капитала и, как следствие, снижение его качества для обширных районов. Эти тенденции сформировались достаточно давно, и если их не удастся изменить, то неизбежным следствием станет постепенная деградация территорий на востоке страны [13; 16]. Со временем «цена» их возрождения будет только расти, и нет гарантии, что проис-

ходящие процессы не станут необратимыми — в обозримом историческом горизонте.

В данной статье мы поставили задачу определения количественных характеристик инвестиционных процессов и их связи с экономическим ростом, а также степень пространственной гетерогенности этих показателей. Это будет некоторой косвенной характеристикой и институциональной среды, от которой, как известно, существенно зависит инвестиционный климат в стране.

Исходными данными в решении поставленной задачи служит официальная статистическая информация из баз данных Росстата. В качестве основного инструмента ее обработки и анализа использованы технологии ГИС. Результаты ГИС-анализа представлены тематическими картами пространственного распределения изучаемых показателей по регионам РФ. Анализ проводился по 83 российским регионам (Республика Крым и г. Севастополь в этот перечень не вошли вследствие неполноты статистических данных за рассматриваемый период).

*Пространственная неоднородность инвестиционных потоков.* Для проведения сравнительного анализа для каждого региона определены среднегодовые объемы инвестиций в основной капитал (ОК) в сопоставимых ценах в расчете на душу населения за период 2011–2013 гг. В эти годы («до санкций») еще не проявились негативные последствия внешних шоков и кризиса, и условия для инвестирования были относительно благоприятными. В качестве базового выбран 2011 г. Минимальное значение этого показателя — 24 719 р. в год на душу населения (Кабардино-Балкарская Республика), максимальное — 1 236 964 р. (Ненецкий АО), т. е. в 50 раз больше. Среднее значение показателя — 108 407 р.

На рис. 1 представлен результат разбиения всей совокупности регионов РФ на шесть классов. Лидерами по подушевому инвестированию являются нефтегазовые регионы, а также природно-ресурсные территории северо-восточной части России (первые два класса — пять регионов:

Ненецкий и Ямalo-Ненецкий АО, Тюменская область (без АО), Ханты-Мансийский АО и Сахалинская обл.), где на величине этого показателя оказывается небольшая численность населения и значительная доля работающих вахтовым методом. В третий класс попали пять регионов: Чукотский АО (238 570), Республики Коми (218 048) и Саха (Якутия) (196 238), Ленинградская (163 245) и Магаданская (161 319) области.

Относительно высокие по сравнению с другими регионами Северного Кавказа показатели Краснодарского края (143 733) — четвертый класс — объясняются, прежде всего, «политическими инвестициями»: строительством олимпийских объектов Сочи. Регионы Сибири и Дальнего Востока, вовлеченные в процессы экономического сотрудничества с Китаем, демонстрируют в лучшем случае средние показатели. Однако в инвестиционных потоках Амурской области (первый в четвертом классе) существенная роль принадлежит строительству космодрома «Восточный», Приморского края (последний в этом же, четвертом классе) — подготовкой к Саммиту АТЭС 2012 г. Приграничные субъекты Байкальского региона и большая часть южных регионов Сибири попали в два нижних класса.

*Экономический рост в регионах РФ: сравнительный анализ.* Анализ пространственного распределения объемов подушевого ВРП для регионов России в 2016 г., приведенного к ценам 2011 г. (рис. 2), позволяет говорить о том, что межрегиональная дифференциация по производству добавленной стоимости остается высокой: «лучшее» (4 539,8 — Ненецкий АО) и «худшее» (83,775 — Республика Ингушетия) значения показателя различаются в 54 раза. Верхние два класса (1 241,988 — 4 539,808) — исключительно нефтегазовые регионы. В Москве подушевой ВРП составил 885,7 тыс. р.

Приграничные регионы восточной части страны, несмотря на официальное признание их ключевого геополитического значения и активное формирование «институтов развития», по-прежнему существенно отстают в экономическом развитии.

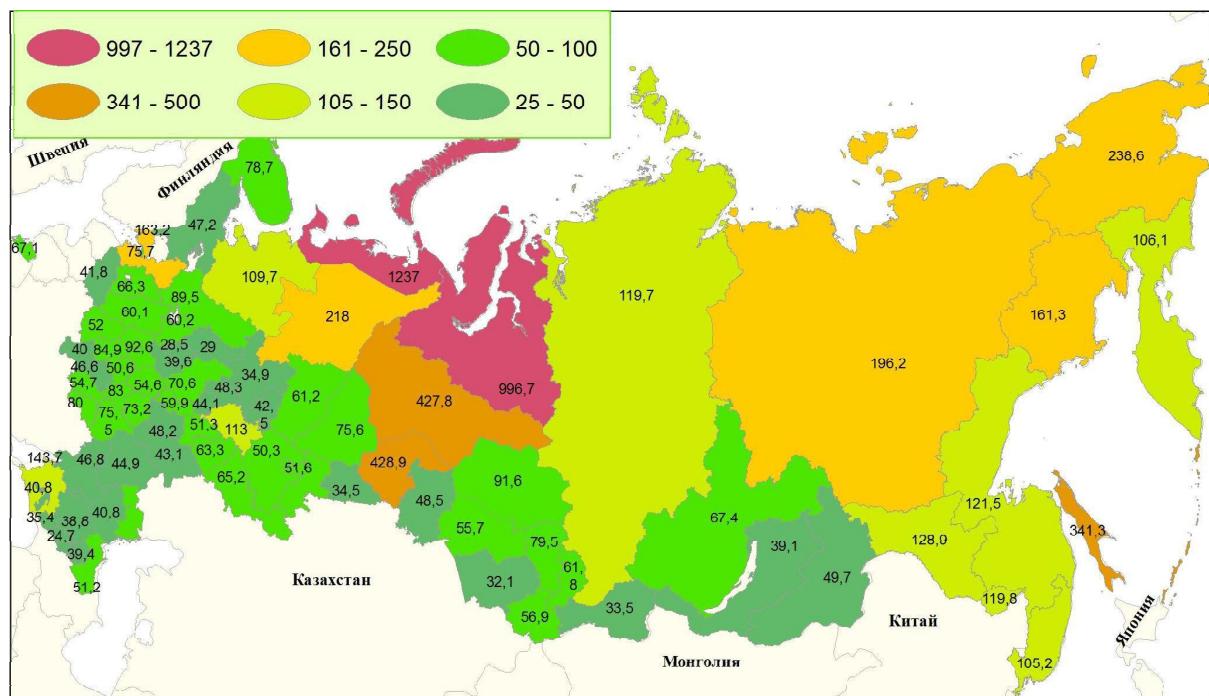


Рис. 1. Среднегодовые объемы подушевых инвестиций в ОК в регионах РФ за период 2011–2013 гг. (тыс. р./чел.). / Fig. 1. The average annual per capita investment in fixed capital in Russian regions for the period 2011–2013 (thousand rubles / person), in 2011 prices

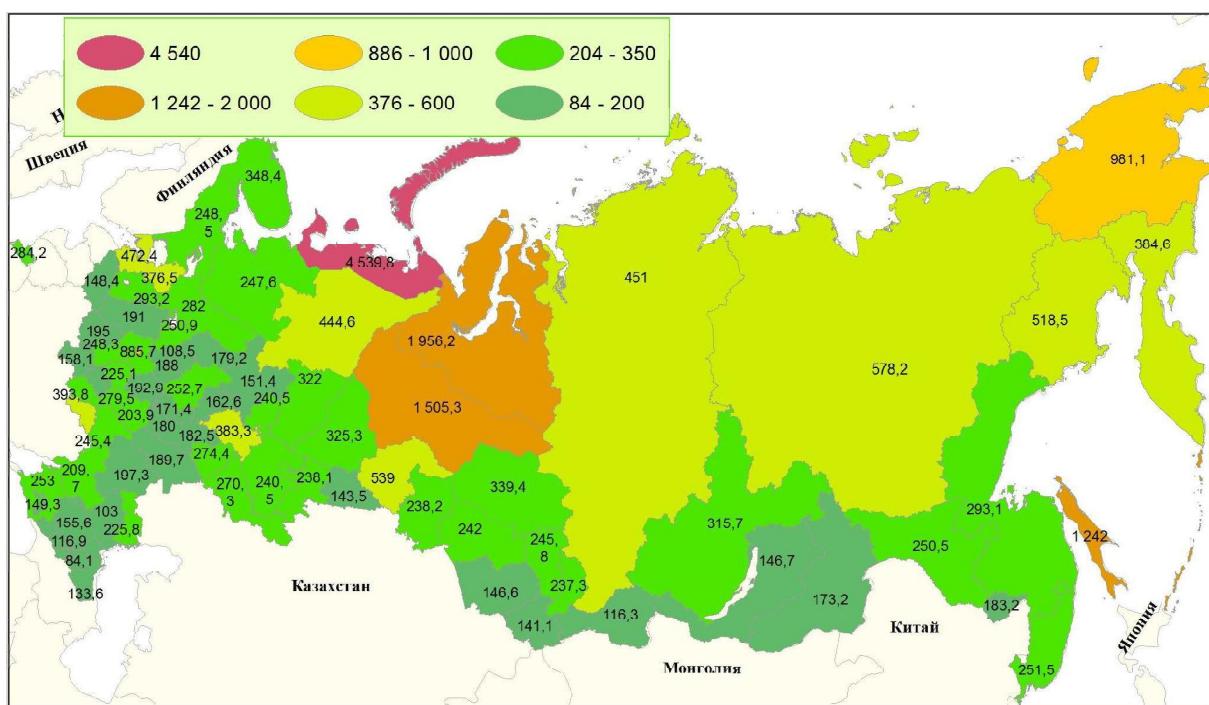
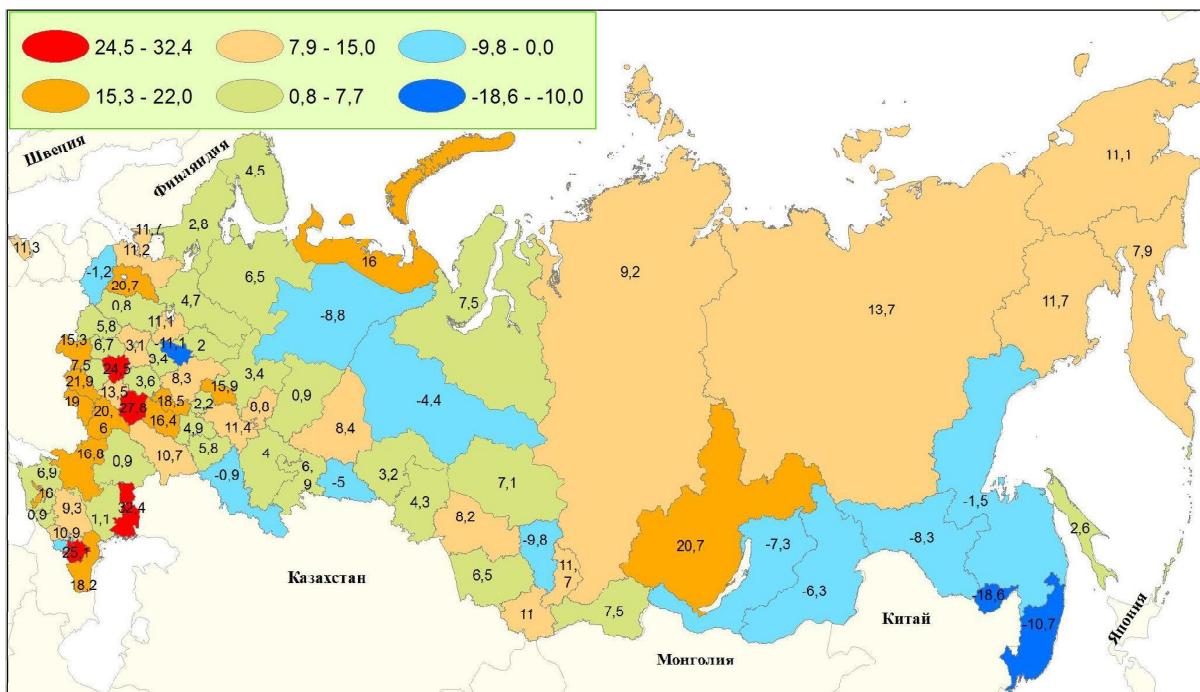


Рис. 2. Подушевой ВРП для регионов России в 2016 г., приведенный к 2011 г. (тыс. р./чел.). / Fig. 2. The per capita GRP in 2016 in 2011 prices in Russian regions (thousand rubles / person)

В период 2011–2016 гг. наблюдалась также существенная дифференциация регионов по скорости экономического роста. В период экономических шоков, в том числе внешних, а также при таком колоссальном различии в объемах инвестиций это вполне ожидаемо, поскольку социально-экономические условия в регионах различны.

Проведенный анализ дает количественную характеристику этих различий. Его результаты представлены на рис. 3. Цифры на карте — это отношение разности в подушевом ВРП региона в 2016 и 2011 гг. (в ценах 2011 г.) к подушевому ВРП в 2011 г., в процентах.



*Рис. 3. Пространственная характеристика скорости экономического роста в регионах РФ за период 2011–2016 гг., % / Fig. 3. Spatial characteristics of the economic growth rate in the regions of the Russian Federation for the period 2011–2016, %*

В двух «нижних» классах — регионы, где реальный подушевой ВРП за этот период сократился. Сюда попали все восточные регионы, имеющие границу с Китаем. Наличие такого «теоретического» географического преимущества, возможно, сыграло позитивную роль, но не стало значимым фактором развития. Масштабные инфраструктурные инвестиции в Амурской области и Приморском крае также не стали заметным положительным фактором экономического роста: падение подушевого ВРП в этих регионах за рассматриваемый период — одно из самых значительных в России.

Однако высокий показатель роста в Иркутской области (20,7 %) частично

можно объяснить огромной долей этого региона в лесном экспорте (прежде всего, пиломатериалов первичной переработки и необработанной древесины) в КНР, здесь сыграла роль девальвация рубля в 2014 г. Вторым по масштабам экспорта леса является Красноярский край, где тоже отмечается достаточно высокий показатель экономического роста (9,2 %). Другие восточные регионы, имеющие хорошие условия для экспорта в Китай, обладают существенно более низкими как ресурсными, так и производственными активами. Однако следует иметь в виду, что регионы — крупнейшие экспортёры леса — обладают наиболее низкой бюджетной и социальной эффектив-

ностью лесопромышленного комплекса [14; 17]. Поэтому другая сторона таких успехов в достижении показателей экономического роста — весьма скромная роль в обеспечении благосостояния граждан этих регионов, ставящая под сомнение саму целесообразность столь неэффективного использования ценных природных ресурсов. Приграничные регионы на западной границе страны демонстрируют гораздо более оптимистичную картину. Спад был лишь в Псковской области, причем менее заметный, чем на востоке России. В Кемеровской области, которая находится на первом месте в России по добыче (около 50%) и экспорту угля, также видим значительный спад ( $-9,8\%$ ), несмотря на то, что девальвация рубля создала дополнительные преимущества для экспорта.

**Региональные показатели инвестиционной отдачи.** Определенной характеристикой «чувствительности» показателя ВРП к инвестиционным потокам может служить отношение подушевого ВРП к показателям подушевых инвестиций (обозначим его IR). В данной статье мы рассматривали среднегодовые за период 2011–2013 гг. инвестиционные потоки в основной капитал в расчете на душу населения, а подушевой ВРП — за период 2011–2016 гг., чтобы учесть временной лаг инвестиционной отдачи (оба показателя в ценах 2011 г.). Особое внимание уделено регионам востока страны. Динамика значений этого показателя для регионов Дальневосточного и Сибирского федеральных округов представлена на рис. 4. Там же приведена динамика и его среднего значения для РФ.

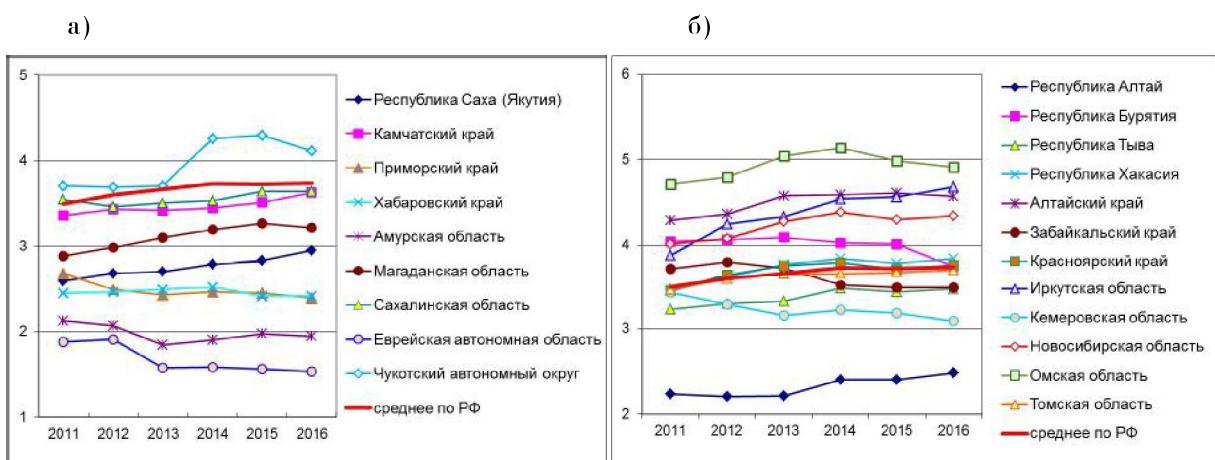


Рис. 4. Динамика показателя инвестотдачи (IR) за 2011–2016 гг., р/р: а) для регионов ДВФО; б) для регионов СФО / Fig. 4. The investment return (IR) dynamics for the period 2011-2016 (rub / rub): a) for the FEFo regions; b) for the SFD regions

Результаты анализа говорят о том, что в большинстве регионов ДВФО инвестиционная отдача за изучаемый период была ниже среднероссийской, исключение составляет Чукотка. Пока предпринятые институциональные меры (создание Минвостокразвития и др.), а также многочисленные программы развития Дальнего Востока [6] и иностранные, в том числе китайские, инвестиции в минерально-сырьевой комплекс [7; 9] не привели

к повышению инвестиционной отдачи для большинства регионов ДВФО. Не принесли результатов в этом плане и масштабные инфраструктурные инвестиции в Амурской области и Приморском крае.

В рассматриваемый период продолжалось российско-китайское сотрудничество и в сельскохозяйственной сфере. В России работают более 150 сельскохозяйственных предприятий провинции Хэйлунцзян, площади арендаемых ими земель оце-

ниваются в 500 тыс. га [1; 5], большинство из которых – на Дальнем Востоке. В Еврейской АО китайские предприятия арендуют около трети всех сельскохозяйственных земель. Экспорт сои из регионов Дальнего Востока в КНР в 2015 г. превысил 114 млн долл. США [1]. От участия китайских инвесторов ожидали не только прироста финансовых потоков, но и значительного и позитивного влияния на эффективность производства, развития переработки сельскохозяйственной продукции и других действий, призванных ускорить экономический рост. Однако результаты оказались далеки от ожиданий, и поиск новых институциональных форм сотрудничества продолжается. В частности, в 2016 г. достигнуто Соглашение между Фондом развития Дальнего Востока и Управляющей компанией Азиатско-Тихоокеанского продовольственного Фонда о создании Российско-Китайского фонда агропромышленного развития на Дальнем Востоке (РКФАР) [10], где уже были целенаправленно разработаны меры для

увеличения российской доли добавленной стоимости в совместных проектах.

Для половины регионов СФО инвестиционная отдача с 2011 по 2016 гг. устойчиво превышала среднероссийскую.

Пространственная дифференциация российских регионов по показателям инвестиционной отдачи в 2016 г. представлена на рис. 5. Мы видим, что нефтегазовые регионы, которые являлись лидерами по подушевым инвестициям (рис. 1), имеют в лучшем случае средние показатели инвестиционной отдачи, а Ямало-Ненецкий АО — один из самых низких: 1,96. Самый высокий показатель имеет г. Москва — 9,56 (первый класс), во второй класс попали г. Санкт-Петербург (6,24), Республики Удмуртия (5,66), Карелия (5,27), Пермский край (5,26), Московская (5,15) и Костромская области (6,17). У Тюменской области (без автономных округов) — минимальный показатель: 1,26, несмотря на то, что по объему подушевых инвестиций в 2011–2013 гг. этот регион был одним из лидирующих.

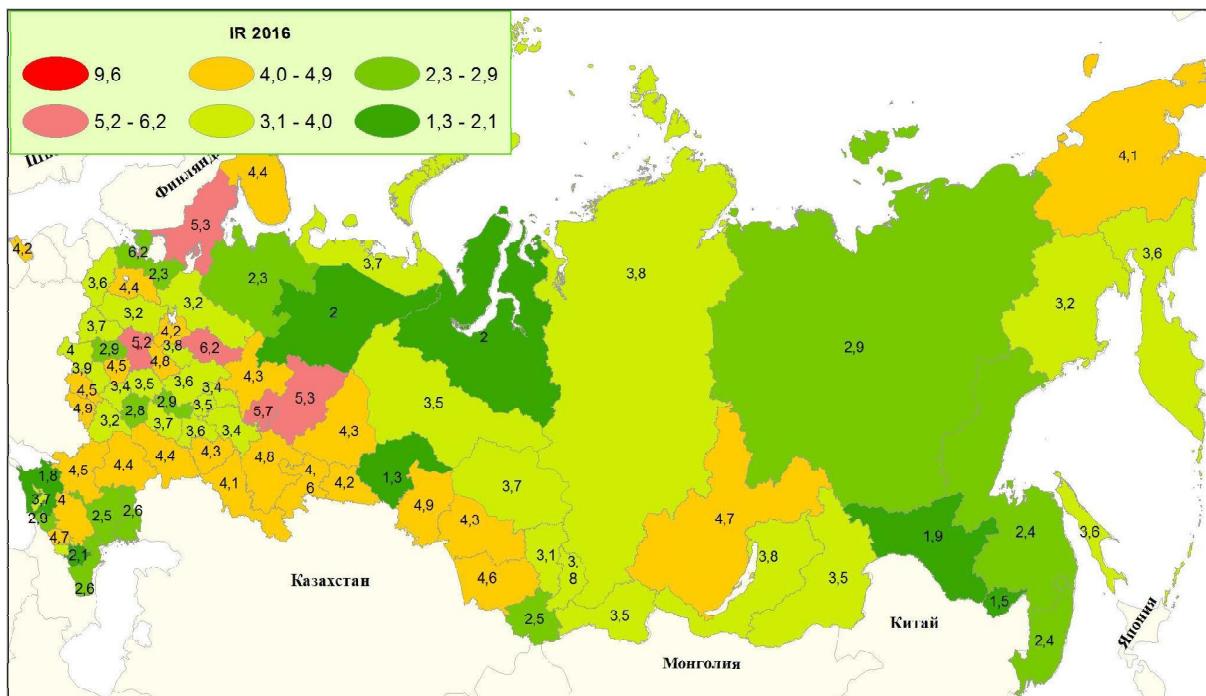


Рис. 5. Пространственное распределение показателя инвестиционной отдачи (IR) по регионам РФ в 2016 г., р/п / Fig. 5. The spatial distribution of the investment return (IR) in Russian regions for 2016, rub / rub

Субъекты РФ Байкальского региона вышли на средние позиции по инвестиционной отдаче, несмотря на одни из самых низких объемов инвестиций в 2011–2013 гг. Южные регионы Дальнего Востока и Якутия, где подушевые инвестиции были существенно выше, по инвестиционной отдаче оказались аутсайдерами. Более высокие позиции занимают Магаданская область, Камчатский край и Чукотский АО, однако здесь, по-видимому, сказывается значительное число работающих вахтовым методом.

**Заключение.** В регионах России наблюдается высокая межрегиональная дифференциация как инвестиционной активности, так и инвестиционной отдачи. Наиболее высокие подушевые показатели по инвестициям – в нефтегазовых регионах. Наличие и даже изобилие других природных ресурсов – леса, цветных, драгоценных и редких металлов, сельскохозяйственных угодий – в изучаемый промежуток времени не стало фактором существенного улучшения этих показателей. Это относится и к тем регионам, где имели место масштабные «политические» инфраструктурные инвестиции – Краснодарский край (зимняя олимпиада в Сочи), Амурская область (космодром «Восточный»), Приморский край (Саммит АТЭС 2012 г.). Не стала существенным фактором сравнительного улучшения инвестиционных показателей и «Программа сотрудничества на 2009–2018 гг. между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китая» (Программа-2018). Пока не проявились значимые результаты и Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 г.» (утв. постановлением Правительства РФ от 6 декабря 2013 г. № 1128). Тенденции, сложившиеся в предыдущее

десятилетие в инвестиционных процессах [16], к настоящему времени существенно не изменились.

Отставание регионов Востока России по показателю подушевого ВРП, характерное для всего периода с 1991 г., сохранилось и к настоящему времени. Однако в отношении «чувствительности» экономического роста к инвестициям регионы Сибири и Дальнего Востока показывают достаточно высокую дифференциацию. Она отражает различные условия ведения бизнеса в регионах, различие в развитии инфраструктуры, энерготарифов и др. В целом она остается достаточно низкой по сравнению с другими регионами РФ.

В регионах, непосредственно находящихся в зоне влияния экономического коридора «Россия – Китай – Монголия», как одной из «ветвей» нового Шелкового пути [15], подушевые инвестиции в 2011–2013 гг. были одними из самых низких в России. Однако показатели инвестиционной отдачи там оказались значительно выше, чем в южных регионах Дальнего Востока, где обеспечены не только более высокие масштабные инвестиционные потоки, но и предприняты усилия для формирования «институтов развития» – создан Минвостокразвития, приняты и профинансираны целевые программы и крупные инфраструктурные проекты. Поэтому при разработке проектов развития экономического коридора «Россия – Китай – Монголия» важно не только стимулировать увеличение объемов инвестиций. Необходимо учесть дальневосточный опыт в отношении «институтов развития» и направить усилия не только на целевые программы, но и на институциональную трансформацию бизнес-среды, ориентированную на повышение качества инвестиционных потоков с целью обеспечения реального экономического роста и повышения благосостояния граждан.

#### Список литературы

---

1. Антонова Н. Е. Экономический пояс Шелкового пути: есть ли возможности для развития биоресурсного сектора Дальнего Востока? // ЭКО. 2016. № 7. С. 37–55.
2. Бобылев С. Н., Зубаревич Н. В., Соловьева С. В. Вызовы кризиса: как определить устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147–160.

3. Забелина И. А., Клевакина Е. А. Экологические показатели качества экономического роста в Забайкальском крае // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2016. Т. 22, № 3. С. 101–111.
4. Коломак Е. А. Пространственное развитие и приоритеты региональной политики в России // ЭКО. 2014. № 1. С. 41–53.
5. Ли Де Минь. Евразийская инициатива: углубление и расширение сельскохозяйственного сотрудничества в регионе РФ-КНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ru.apircenter.org/archives/3105> (дата обращения: 02.07.2018).
6. Ломакина Н. В. Ключевые механизмы новой модели развития Дальнего Востока и их влияние на роль минерального сектора в экономике региона // ЭКО. 2015. № 7. С. 5–15.
7. Ломакина Н. В. Реализация проекта Шелкового пути: новые стимулы и механизмы для развития минерального сектора экономики // ЭКО. 2016. № 7. С. 56–68.
8. Малкина М. Ю. Динамика и факторы внутрирегиональной и межрегиональной дифференциации доходов населения // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 44–66.
9. Минакир П. А., Суслов Д. В. Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 41–56.
10. Россия и Китай договорились о создании Российско-Китайского фонда агропромышленного развития на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mnr.ru/press-center/news/1867> (дата обращения 12.07.2018).
11. Факторы экономического роста в регионах РФ / С. Дробышевский [и др.]. М.: Институт экономики переходного периода, 2005. 278 с.
12. Фуджита М., Кумо К., Зубаревич Н. Экономическая география и регионы России // Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ. М.: Весь Мир, 2006. 588 с.
13. Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14, №. 2. С. 485–501.
14. Яковleva K. A. Социально-экономическая эффективность лесопользования в приграничных регионах России // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2016. Т. 22, № 11. С. 151–160.
15. Dong Suocheng, Li Zehong, Li Yu, Huang Yongbin. Resources, environment and economic patterns and sustainable development modes of the Silk Road Economic Belt // Journal of Resources and Ecology. 2015. Vol. 6. P. 65–72.
16. Glazyrina I. P., Faleichik A. A., Faleichik L. M. Cross-border cooperation in the light of investment processes: more minuses than pluses so far // Problems of Economic Transition. 2012. Vol. 55. No. 6. P. 43–62.
17. Glazyrina I. P., Faleichik L. M., Yakovleva K. A. Socioeconomic effectiveness and “green” growth of regional forest use // Geography and Natural Resources. 2015. Vol. 36. P. 327–334.
18. Glazyrina I. P., Zabelina I. A. Spatial heterogeneity of Russia in the light of the concept of a green economy: the social context // Geography and Natural Resources. 2018. Vol. 39. P. 103–110.
19. Howarth R. B., Kennedy K. Economic growth, inequality, and well-being // Ecological Economics. 2016. Vol. 121. P. 231–236.
20. Lessmann Ch. Spatial inequality and development – is there an inverted-U relationship? // Journal of Development Economics. 2014. Vol. 106. P. 35–51.
21. Mikheeva N. Regional aspects of economic growth in Russia // The Journal of Econometric Study of Northeast Asia. 2004. Vol. 5. No. 1. P. 43–69.
22. Stiglitz J. The price of inequality: how today's divided society endangers our future. New York: W.W. Norton & Company, 2012. 414 p.

## References

1. Antonova N. E. EKO (ECO), 2016, no. 7, pp. 37–55.
2. Bobylev S. N., Zubarevich N. V., Soloveva S. V. Voprosy ekonomiki (Economic issues), 2015, no. 1, pp. 147–160.
3. Zabelina I. A., Klevakina E. A. Vestnik Zabaykalskogo gos. un-ta (Transbaikal State University Journal), 2016, vol. 22, no. 3, pp. 101–111.
4. Kolomak E. A. EKO (ECO), 2014, no 1, pp. 41–53.
5. Li De Ming. Evrasiyskaya initsiativa: uglublenie i rasshirenie selskohozyaystvennogo sotrudnichestva v regione RF-KNR (Eurasian Initiative: Deepening and Expanding Agricultural Cooperation in the RF-PRC Region). Available at: <http://www.ru.apircenter.org/archives/3105> (Date of access: 02.07.2018).
6. Lomakina N. V. EKO (ECO), 2015, no. 7, pp. 5–15.
7. Lomakina N. V. EKO (ECO), 2016, no. 7, pp. 56–68.

8. Malkina M. Yu. *Prostranstvennaya ekonomika* (Spatial economy), 2014, no. 3, pp. 44–66.
9. Minakir P. A., Suslov D. V. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* (Economic and social changes: facts, trends, forecast), 2018, vol. 11, no. 3, pp. 41–56.
10. Rossiya i Kitay dogovorilis o sozdaniu Rossysko-Kitayskogo fonda agropromyshlennogo razvitiya na Dalnem Vostoke (Russia and China have agreed on the creation of a Russian-Chinese agro-industrial development fund in the Far East). Available at: <https://www.minvr.ru/press-center/news/1867> (Date of access: 12.07.2018).
11. *Faktory ekonomiceskogo rosta v regionakh RF* (Factors of economic growth in the regions of the Russian Federation); S. Drobyshevsky (etc)). Moscow: Institute for the Economy in Transition, 2005. 278 p.
12. Fudzhita M., Kumo K., Zubarevich N. *Torgovaya politika i znachenie vstupleniya v WTO dlya razvitiya Rossii i stran SNG* (Trade Policy and the Importance of WTO Accession for the Development of Russia and the CIS Countries), Moscow: All World, 2006, 588 p.
13. Shvorina K. V., Faleychik L. M. *Ekonomika regiona* (Economy of the region), 2018, vol. 14, no. 2, pp. 485–501.
14. Yakovlev K. A. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2016, vol. 22, no. 11, pp. 151–160.
15. Dong Suocheng, Li Zehong, Li Yu, Huang Yongbin. *Journal of Resources and Ecology* (Journal of Resources and Ecology), 2015, vol. 6, pp. 65–72.
16. Glazyrina I. P., Faleichik A. A., Faleichik L. M. *Problems of Economic Transition* (Problems of Economic Transition), 2012, vol. 55, no. 6, pp. 43–62.
17. Glazyrina I. P., Faleichik L. M., Yakovleva K. A. *Geography and Natural Resources* (Geography and Natural Resources), 2015, vol. 36, pp. 327–334.
18. Glazyrina I. P., Zabelina I. A. *Geography and Natural Resources* (Geography and Natural Resources), 2018, vol. 39, pp. 103–110.
19. Howarth R. B., Kennedy K. *Ecological Economics* (Ecological Economics), 2016, vol. 121, pp. 231–236.
20. Lessmann Ch. *Journal of Development Economics* (Journal of Development Economics), 2014, vol. 106, pp. 35–51.
21. Mikheeva N. *The Journal of Econometric Study of Northeast Asia* (The Journal of Econometric Study of Northeast Asia), 2004, vol. 5, no. 1, pp. 43–69.
22. Stiglitz J. *The price of inequality: how today's divided society endangers our future* (The price of inequality: how today's divided society endangers our future). New York: W.W. Norton & Company, 2012. 414 p.

---

### ***Коротко об авторах***

---

**Глазырина Ирина Петровна**, д-р экон. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г.л. науч. сотрудник, Институт природных ресурсов экологии и криологии СО РАН, г. Чита, Россия. Область научных интересов: экологическая экономика, экологическая политика, трансакционные издержки  
iglazyrina@bk.ru

**Фалейчик Андрей Анатольевич**, канд. физ.-мат. наук, доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: математическое моделирование, численные методы и эксперименты, геоэкология  
faa55@bk.ru

**Фалейчик Лариса Михайловна**, канд. техн. наук, ст. научный сотрудник, доцент, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: геоинформационные системы и технологии (ГИС), геоэкология, математическое моделирование  
lfaleychik@bk.ru

---

### ***Briefly about the authors***

---

**Irina Glazyrina**, doctor of economic sciences, professor, Transbaikal State University, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: environmental economics, environmental policy, transaction costs

**Andrey Faleychik**, associate professor, candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: mathematical modeling, calculus of approximation and experiments, geoecology

**Larisa Faleychik**, associate professor, candidate of technical sciences, senior research scientist, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch (INREC SB RAS), associate professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: geographic information system (GIS), GIS technologies, geoecology, mathematical modeling

**Образец цитирования**

---

Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М. *Инвестиции и экономическое развитие: сравнительный анализ для регионов России// Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 8. С. 101–111.*  
DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111.

Glazyrina I., Faleychik A., Faleychik L. *Investment and economic development: comparative analysis for Russian regions// Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 8, pp. 101–111. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111.*

Статья поступила в редакцию: 23.07.2018 г.  
Статья принята к публикации: 15.10.2018 г.

